

Л. Абдуллина

Наследие Абая в исследованиях М.Ауэзова и З.Ахметова

Современная казахстанская литература в глобализирующемся мире, синтезируя западную и восточную модели гуманизма, формирует новую культурную антропологию в контексте общенациональной идеи. Закономерно обратиться к наследию основателей отечественной историко-культурной парадигмы. Термин «штудии» в значении «школа» акцентирует актуальность для современного этапа обращения к урокам ученого, критика, литературоведа Заки Ахметовича Ахметова, который показал пример исследовательского и глубоко личного подхода к литературному тексту. Критические произведения Ахметова не просто научные статьи, – это поэтическое толкование феномена казахской классической литературы.

З. Ахметов много лет своей деятельности посвятил исследованию творчества Мухтара Ауэзова, в том числе его эпопеи «Путь Абая». Одна из первых статей З.А. Ахметова «Романы М. Ауэзова об Абае» написана в 1956 году совместно с И. Дюсенбаевым (1). Этапной работой стала монография 1978 года «Поэтика эпопеи «Путь Абая» в свете истории ее создания» (2). В 1997 году ученый-педагог пишет учебное пособие «Роман-эпопея Мухтара Ауэзова» (3), которое адресует широкому кругу читателей: литературоведам, критикам, журналистам, научным работникам и студентам, всем, интересующимся вопросами современной литературы.

В предисловии ученый объясняет, почему труд Ауэзова не теряет своей актуальности и для поколения казахстанцев наступившего XXI века: «Современное значение «Пути Абая» определяется в значительной мере тем, что это произведение заставляет читателей думать о смысле жизни и долге человека, о необходимости утверждения духовности в жизни общества, борьбы против социальной несправедливости. Идея о том, что Казахстан стоял на рубеже XIX и XX веков на пороге больших социально-исторических перемен... созвучна нашему времени» (3, 8).

З.А. Ахметов в учебном пособии приводит относительно большой библиографический список научных и философско-публицистических работ (3, 382), посвященных знаменитой национальной эпопее. Многолетнее, скрупулезное исследование архивных и рукописных материалов, ранних изданий и черновых редакций дает ему право на собственный взгляд и оценку. В ахметовской интерпретации романа-эпопеи «Путь Абая» особую глубину и завершенность приобретает трактовка поэтики М. Ауэзова. Ученый заостряет внимание читателей на главном принципе понимания национальной эпопеи: неразрывное единство идейно-тематического содержания с художественным своеобразием его воплощения.

Однако для исследователя за этим аксиоматичным положением раскрывается индивидуальность художника, опирающегося на народное художественно-поэтическое мышление. Казахская проза, по мысли ученого, имея «сравнительно небольшую историю», «тесно и непосредственно связана с поэтическим искусством народа» (3, 225), это свойственно и ауэзовской прозе. Именно народно-поэтическое прочтение биографии Абая в произведении М. Ауэзова и придает масштабность не только фигуре национального поэта, но и собственно «пути», которым Абай пришел в литературу и который открыл для всей последующей литературы Великой Степи.

Создавая романное полотно с масштабностью эпопеи, Ауэзов использует различные способы повествования. Ахметов отмечает, что в романе «Путь Абая» преобладающим является эпическое повествование, причем, писатель «с одинаковым художественным мастерством рассказывает, описывает и изображает» (3, 225). Тонкий знаток изобразительно-выразительных приемов, помогающих раскрыть идейно-тематическую линию эпопеи, автор подводит читателя к мысли, что М. Ауэзову удалось объемно и жизненно достоверно создать образ Абая благодаря созданию в эпопее поэтической атмосферы, присутствующей в лирических шедеврах великого акына.

Безусловным, на наш взгляд, открытием Ахметова-критика стала «отгадка» *ауэзовского феномена*: «Поэтические произведения Абая помогли писателю яснее представить внутренний облик поэта, художественно убедительнее передать в эпопее его душевные движения и переживания» (3, 236). Предпринятый З.А. Ахметовым детальный сопоставительный анализ текстов стихотворений Абая и фрагментов эпопеи М. Ауэзова позволяет со всей очевидностью довести до своего читателя уникальность художественного мира, заключенного в знакомом тексте произведения «Путь Абая».

Так, З. Ахметов обращается к описанию М. Ауэзовым лунной ночи, пейзаж которой полностью соответствует настроениям юного Абая, охваченного чувством первой любви: «Любимая... Это волнующее слово Абай не раз встречал в книгах и слышал от других. Но сегодня оно покинуло песни, сошло со страниц книг и предстало перед ним во всем обаянии своего значения» (3, 230). Далее З. Ахметов своим комментарием исследователя расширяет границы созданного Ауэзовым поэтического образа лунной ночи: вводит его в контекст традиции казахской поэзии: «Летняя лунная ночь с ее освежающей прохладой, сменяющая жаркий знойный день в степи – это для кочевника, чувствующего себя свободным от дневных забот, хорошее время для отдыха, а для молодежи – для увеселения и игр» (3, 230). Перед читателем не просто историческая справка, что означает «летняя лунная ночь» для кочевника, но свое неравнодушное поэтическое видение исторического уклада многовекового быта своего народа.

Ученый, обладающий поэтически тонким художественным вкусом, сумел передать эффект как бы двойного отражения: художественный мир Абая-поэта отражается в художественном мире ауэзовской эпопеи, благодаря чему факты биографии Абая приобретают обобщенно-поэтический характер народной эпопеи. Исследователь в качестве текста-первоисточника для ауэзовского романа приводит стихотворение Абая, при этом сначала дает заглавие текста свой построчный перевод – «В безветренную ночь светлая луна», а затем ссылку на поэтический перевод – «Ночь без ветра и луна...». Тем самым З. Ахметов не отделяет себя от процесса со-творчества в пределах интерпретации художественного текста, передающего целостный художественный мир творческого наследия Абая.

Показывая, как писателю удастся повторить мелодический рисунок поэтического текста, принадлежащего перу великого акына, З.А. Ахметов убедительно демонстрирует, что «лирические произведения Абая служат если не документальной основой, то фактическим литературным материалом для Ауэзова» (3, 231).

Это удивительное открытие исследователя практически предваряет антропологический этап в развитии современного литературоведения, в том числе казахстанского. «Поэзия Абая служила опорой для глубокого постижения социальных взглядов и нравственных идеалов поэта, его эстетических взглядов, для понимания той социальной среды и исторических условий, в которой эта поэзия родилась», – вывод Ахметова настолько прост, что кажется читателю очевидным (3, 236).

Предметом художественной антропологии, по определению В.В. Савельевой, является «воссозданный в искусстве человек, изучаемый другим человеком» (4). Художественный текст книги З.А. Ахметова представляет антропологию «двойного уровня». М. Ауэзов в эпопее «Путь Абая» воссоздает творческую биографию великого акына, но не как человека реального, а как образ человека, созданного поэтом в лирике: «Перед нами человек вторичный – воссозданный и понимаемый другим человеком» (4, 6). Это антропология первого уровня, подтверждаемая исследователем: «Во всем – описывается ли событие, или поведение героя, его мысли и чувства, внешность, изображается обстановка, в которой происходит действие – ярко проявляется неповторимая творческая индивидуальность писателя» (3, 224). Сам ученый как интерпретатор ауэзовского восприятия творческой личности Абая выступает в качестве «субъективного фильтра»: «человек-читатель, он же реципиент и интерпретатор» (4, 6). Это может быть рассмотрено как художественная антропология второго уровня.

З.А. Ахметов убежден, что Ауэзову удалось достичь художественной убедительности образа поэта благодаря глубокому проникновению в «конкретную эмоциональную атмосферу», «постигнув те или иные свойства души поэта, не просто ставит их в определенный эпизод или картину, он

художественно связывает их со всем богатством содержания эпопеи». Исследователю «сила Ауэзова-прозаика» видится в том, что писатель в процессе разработки художественной идеи эпопеи заново и глубоко творчески осмысливает мотивы поэтических произведений Абая (3, 236). Ученый наглядно демонстрирует, как Ауэзов творчески претворяет мотивы лирических произведений Абая в тексте эпопеи, в конкретных жизненных ситуациях.

Так, картина тяжелой жизни казахских бедняцких масс показана глазами Абая: «Холодное серое небо нависло над аулом. Все вокруг выглядело как-то особенно неприглядно. Абай заметил, что дети, бегающие между юртами, все босы; их грязные ножки покраснели от стужи...». Прямая переключка с известными стихотворениями Абая «Осень», «Ноябрь – преддверие зимы», по мысли З.А. Ахметова, усиливает силу художественного воздействия на читателя.

Особой фактурности удается достичь М. Ауэзову в передаче темы творчества, как ее понимает Абай. Писатель обращается к стихотворению «Разве не должен, мертвый, я глиной стать?», раскрывающему облик поэта благодаря сложным метафорическим оборотам. Писатель показывает, точнее как бы воспроизводит процесс создания этого лирико-философского шедевра Абаем. Что удивительно: З.А. Ахметов, восхищаясь умело найденным приемом писателя, незаметно сам «подключается» к анализу стихотворения Абая, приводит свой подстрочник казахского оригинала. Отмечая «новую совершенно оригинальную метафору Абая – казахские степи – «земля, где много преград и не проложены тропы», Ахметов-критик эмоционально и небеспристрастно восклицает: «Это художественное определение наполнено огромным смыслом!» (3, 241).

Критические размышления З.А. Ахметова о романе М. Ауэзова «Путь Абая» наглядно иллюстрируют метод поэтического прочтения художественного текста, как того требует материал источника. Ученый-исследователь не остается в роли беспристрастного комментатора знаменитой эпопеи – он наглядно демонстрирует неослабевающий эстетический и педагогический феномен поэзии национального акына, на высоком поэтическом уровне раскрытый в художественном мире ауэзовского текста. В книгах классика казахстанской литературоведческой науки З. Ахметова, таким образом, воспроизведен и прочерчен собственный *путь* ученого через равнодушное прочтение им заветов Абая и интерпретацию духовного наследия Мухтара Ауэзова. Выдвигая на первый план своеобразие художественного метода Ауэзова, классик отечественного литературоведения подчеркивает социальные и нравственные уроки эпопеи, художественное время которой заключает «художественно-обобщенно многовековую историю народа» (3, 227).

Критическое наследие З.Ахметова, непреходящая научная и педагогическая ценность его уроков органично вписываются в текст

отечественной культуры и национальную модель казахстанского патриотизма, подчеркивая взаимосвязь казахстанской идентичности и национальной идеи, воспринятые в начале XXI столетия как Государственный заказ и одновременно как научная программа.

Список литературы:

1. Ахметов З. и Дюсенбаев И. Романы М. Ауэзова об Абае /Коммунист Казахстана, 1956, №11.
2. Ахметов З. Поэтика эпопеи «Путь Абая» в свете истории ее создания. Алма-Ата, «Наука», 1984.
3. Ахметов З. Роман-эпопея Мухтара Ауэзова. Учебное пособие. – Алматы, «Санат», 1997. – 288с.
4. Художественная антропология и творчество писателя: Учебник для гуманитар. фак-тов. Под ред. В.В. Савельевой, Л.И. Абдуллиной. – Усть-Каменогорск-Алматы, 2007.